

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

**РЕЛИКТ:
ДЕТИ ВЕЧНОСТИ**

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

КСМ

Реликт

Василий Головачев

Пришествие

«ЭКСМО»

1991

Головачев В. В.

Пришествие / В. В. Головачев — «Эксмо», 1991 — (Реликт)

ISBN 5-699-04819-7

«Пришествие» – вторая книга остросюжетного фантастического романа-эпопеи «Реликт» в шести книгах, который показывает развернутую панораму жизни человечества в двадцать втором – двадцать четвертом веках.

Начинается роман встречей землян с реликтовой формой жизни в космосе, спора которой сохранилась со времени рождения Вселенной, а заканчивается грандиозным противостоянием разумных Вселенных, в котором люди пытаются отстоять свое право на жизнь. Это роман о мужестве и бесстрашии, просчетах и ошибках людей, об их любви и ненависти, безумии и надежде. Это роман, воспевающий жизнь во всех ее проявлениях, о воспитании человека в экстремальных условиях, об отношениях людей с космосом и с теми, кто его населяет. Это роман приключений, полный активного действия и философских размышлений о смысле жизни, отрицающий равнодушие к последствиям любого шага человека.

ISBN 5-699-04819-7

© Головачев В. В., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Часть первая	5
ПРИШЕСТВИЕ	5
ВЫЗОВ	12
ПОИСК	17
ЗАСАДА	20
ЗАСАДА	24
НА ГРАНИ ПРОВАЛА	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Василий ГОЛОВАЧЕВ

РЕЛИКТ. Книга II

ПРИШЕСТВИЕ

Даль рухнула, и пошатнулось время.

А. Ахматова

Часть первая

ОБОРОТЕНЬ. ГРЕХОВ

ПРИШЕСТВИЕ

Сигнал SOS в системе Юлии – все равно что выстрел из «универсала» при полном отсутствии энергозапаса...

Сравнение пришло в голову без усилий, в то время как тренированный мозг Батиевского безошибочно обрабатывал режим бедствия, а руки исполняли сложный порхающий танец на панели монитора связи.

Через минуту в зал Станции вбежали Шубин и Георгиу.

– Что случилось? – спросил запыхавшийся Шубин.

– SOS, – коротко ответил Батиевский.

Спутник-координатор, зависший над полюсом Юлии, уже включился в работу, по белому экрану дисплея побежали зеленые строки бланк-сообщения: координаты источника, привязка карты местности, характеристика сигнала.

– Модуль серии «Коракл», – проговорил черноволосый энергичный Георгиу. – Откуда он здесь?!

Удивился третий член экипажа станции не зря. Юлия не входила в разряд колонизируемых планет, на ее поверхности была выращена всего одна станция-стационар с бункером биомеханических исследовательских систем типа «Кентавр», и для пуска и наладки систем достаточно было троих специалистов. Корабль-матка ушел к другой звездной системе, на Юлии остался экипаж под началом исследователя первого класса Батиевского, и вдруг – SOS!

– Где это? – прищурился Шубин.

– Сто двадцать километров, в горах Пегаса. Странно, слышен только сигнал бедствия, на вызовы никто не отвечает. Погибли?

– И откуда на Юлии «Кораклы»? Грузолеты этого типа не способны преодолевать межзвездные расстояния, две-три АЕ¹ – максимум.

Батиевский не вмешивался в разговор. Ему все яснее становилось, что назревал спасательный рейд. На любой другой планете этот рейд был бы обыденным делом, двадцатиминутным прыжком на любом антиграве, но не на Юлии, по которой каждые шесть часов перед заходом и восходом светила прокатывался грохочущий вал урагана, сметая все на своем пути. А до очередного «бала сатаны» оставалось всего полтора часа.

– Выводить куттер? – спросил в нетерпении Георгиу, уже направляясь к двери.

– Нет, – сказал Батиевский. – Пойду я, на «Мастиффе».

¹ АЕ – астрономическая единица – средний радиус земной орбиты, равен 149,6 млн. км.

– Но по воздуху мы будем там через...

– Я сказал – нет! Источник SOS уже в зоне урагана. Анатолий, проверь «Мастифф»: НЗ, энергозапас, капсулу УСН², зонды. Гера, ты останешься на связи.

Георгиу пытался протестовать, но Батиевский не повторял свои просьбы-приказы дважды.

Через несколько минут танк-лаборатория «Мастифф», созданный для работы в бешеных атмосферах планет типа Юпитера или Сатурна, выполз из ангара, упрятого в пещере, и резво побежал по гладкому лавовому полю на восток, навстречу глухой черной стене на горизонте, скрывшей звезды.

Минут сорок они мчались со скоростью девяносто километров в час, пересекая плоскогорье, держа направление по пеленгу и целеуказаниям со спутника, затем пришлось сбросить скорость, танк сразу перестал трястись и раскачиваться. Дорога пересекала полуразрушенный временем моренный вал, похожий на след древнего ледника. У бортов танка проплывали выпиравшие из-под слоя маслянисто-синей почвы каменные отроги и валуны, поросшие куртинами красивых радужных перьев. Дальше дорога ныряла в узкую вади – долину высохшей реки, петляла между плоскими увалами и скрывалась в клыкастой стене горной гряды.

День засыпал. Яркая голубизна неба потускнела, на западе оно было еще свежее, чистое, будто умытое дождем, на востоке клубилась сине-фиолетовая мгла, рождающая далекий глухой рокот.

– Эх, сейчас сшибемся! – сказал Шубин. – Через несколько минут стемнеет, и мы потеряем пеленг. Забьют помехи.

– Танк не куттер, выдержит. – Батиевский снова увеличил скорость. – На всякий случай проверь груз и закрепи где надо.

Стемнело. Первый порыв ветра подхватил песок на гребне холма и бросил на броню машины. Гремело уже отовсюду, грохот волнами перекачивался по всему небосводу, хотя обычных для земных гроз молний не было – шла сухая и темная ханахада, юлианская гроза.

– Проверил, – появился Шубин, останавливаясь за спиной Батиевского. – Давай наденем скафандры, хотя бы легкие. Надежней как-то.

– Тащи, если тебе так хочется. Я только что разговаривал с Герой, он тебе привет передает, говорит, чтобы не рисковал, ты у нас отчаянный.

– Так и сказал? – усмехнулся Шубин, заметно успокаиваясь. – Что будем делать, шеф? Двигаться в этой теснине рискованно, а искать пристанище поздно, да и негде.

– Ничего, пробьемся, пеленг слышен хорошо.

Батиевский был так невозмутим и обычен, что Шубина оставили почти все его тревоги и опасения, и он даже стал воспринимать ситуацию в героическом ключе: это была его первая прогулка по Юлии, да еще ночью, в ураган!

Танк, кренясь и раскачиваясь, продолжал мчаться сквозь беснующийся мрак, гулом брони отзываясь на удары небесного грома. Столбы белого прожекторного света выхватывали из тьмы то синие откосы берега, то глыбы ноздреватого голубого известняка, то мохнатые шапки сжавшегося под напором стихии юлианского мха.

Воздушные вихри подняли в воздух тонны песка и пыли, и вся эта сине-зеленая пелена вскоре скрыла за собой и близкие холмы, и каменистые осыпи, и горный кряж, видимый по ночам благодаря флуоресценции открытых руд ураноторианита.

Грохот, вой и гул ханахады достигали такой силы, что Батиевский вынужден был до отказа убавить громкость внешних звукоприемников. Один раз он попытался поискать поблизости мало-мальски пригодное убежище, однако напор ветра был так силен, что пятисоттонная

² УСН – универсальный спасательный набор.

машина едва не сделала «сарвангасану»³ – по образному выражению Шубина, и Батиевский решил больше не рисковать. Глубина русла высохшей реки была пока достаточной, чтобы ураган проносился над танком, задевая лишь его антенны, и хотя они едва не потеряли направление движения, следуя изгибам вад, Батиевского это беспокоило мало, потому что ложе бывшей реки должно было привести их к горной гряде Пегаса, где ураган был уже не страшен и где прятался в горах модуль «Коракл», подающий сигнал бедствия.

Еще через полчаса Батиевский уменьшил громкость приемника, тикающего звонким SOS. Цель была близко, причем по всем данным находилась она недалеко от русла реки.

За одним из поворотов дорогу преградила неясно видимая черная масса, вершина которой уходила на неведомую высоту. Лучи прожекторов уперлись в ее подножие, высветив бугристую, в складках и наростах, поверхность невесть откуда взявшейся скалы.

Батиевский резко затормозил, озадаченный препятствием.

– Там вход! – вскричал вдруг Шубин. – Витя, давай туда, видишь?

Батиевский и сам заметил в только что бывшей сплошной скале обширное отверстие, в которое, пожалуй, пролез бы и танк. Но ведь отверстия до этого не было... или он так невнимателен?

– Ну что же ты? – плясал на месте обрадованный Шубин. – Здесь и переждем грозовой фронт. Дырка такая, что и спасательный модуль пролезет, не то что наш «Мастифф».

– Не нравится мне эта скала, – сквозь зубы проговорил Батиевский. – Чуешь, какой мощный сигнал? «Коракл» должен быть где-то здесь, но не в скале же?

– За скалой, пройдем – увидим.

– Скала – хороший экран, а приемник орет так, словно перед нами сам модуль, а не скала. Может быть, он и в самом деле внутри?

Недоумевающий Шубин не нашелся что ответить, и с минуту они молча дивились на феноменальную черную глыбу, перегородившую сухое русло. Ветер здесь неистовствовал всюду, засыпая русло песком и каменным крошевом, и танк иногда качало с боку на бок, когда ветер срывался по касательной с отполированной им спины берегового вала и набрасывался на земную машину со слепой яростью носорога.

– Не поеду я туда, – решил наконец Батиевский, не глядя на удивленное лицо товарища. – Что-то здесь не так... не знаю что, но не так. Попробуем объехать.

Шубин пожал плечами, радость его поутихла.

– Мы же не выедем из русла, перевернемся. Мне казалось, что ты не веришь в предрассудки.

– В предрассудки не верю, – рассердился водитель. – Но и в случайно появляющиеся в нужный момент проходы в скалах тоже.

Он дал задний ход, и в это время громада черной скалы впереди стала крениться в их сторону, накрывая тысячетонной тяжестью.

– Витя, назад, быстрее! – успел крикнуть Шубин.

Куттер мягко опустился на холм, и пятеро археонавтов⁴ молча выпрыгнули из кабины один за другим, невольно выстраиваясь плечом к плечу.

– Бьюсь об заклад, как говорили предки, что храм этот появился только вечером, – сказал светловолосый гигант с выражением вечного недоумения на лице. – Дня два назад мы с Ришаром пролетали недалеко отсюда, над Диким лесом, и ничего не заметили.

³ Одно из упражнений хатха-йоги.

⁴ Археонавт – космонавт-археолог, исследователь истории древних внеземных цивилизаций по материальным остаткам их жизни и деятельности, сохранившимся памятникам (фант.).

– Ваша невнимательность, Юра, не аргумент, – спокойно сказал Ранги. – Хотя я тоже не понимаю, как это зонды пропустили столь крупную постройку, ведь высота храма метров сто! Может быть, снимки этого района материка еще не прошли обработку?

То, о чем они говорили, – древнее святилище, след затерявшейся в веках цивилизации, – высилось перед ними гордо и величаво, будто не было наполовину разрушено временем и все еще служило своим создателям, по неизвестной причине канувшим в небытие. Собственно, святилищем эту колоссальную постройку с двумя тысячами колонн называли уже люди, аборигенам она могла служить чем угодно – от тюрьмы до театра; археонавтические экспедиции на Гийасе только начинали свою работу, и люди не раскрыли пока ни одной тайны планеты.

– Ранги, сообщи в центр, что мы на месте, – сказал наконец начальник группы Шустов, разглядывая строение из-под козырька руки. – Из всего, что мы уже обнаружили, храм наименее разрушен. Тут какая-то загадка... Идем в пробную вылазку, пусть пришлют второй куттер с интравизорами и киберуборщиками.

Негр нырнул обратно в кабину куттера, остальные с радостными возгласами устремились с холма к ближайшим колоннам храма, многие из которых были повалены и полускрыты многовековой пылью.

– Держаться в пределах прямой видимости, – предупредил Шустов, внезапно проваливаясь в какую-то колдобину. – Юра, не спеши к славе, ты не на соревнованиях.

– Я и не спешу, – укоризненно ответил светловолосый. – Разве я когда-нибудь не выполнял инструкций? И разве планета по безопасности не соответствует индексу Ад-ноль?

– Соответствует-то она соответствует, – проворчал Шустов, – да не нравятся мне храмы, растущие как грибы.

Они медленно прошли гигантскую колоннаду, миновали заваленный обломками портала проход, равный по величине жерлу вулкана, и вошли в холодную тень коридора.

– Жутковато, – подал голос четвертый археонавт, включая фонарь. – Смотрите, пыли и песка здесь почти нет.

Луч света выхватил из темноты странный пол коридора – черный, в ямках и бороздах, словно изъеденный коррозией, – и такие же складчатые стены.

– Подождите, – негромко сказал Шустов. – Незачем заходить далеко вглубь без аппаратуры. – Он быстро прошел вперед и посветил за угол коридора.

Ему открылось просторное помещение неопределенной формы: стены – словно из разномастных каменных глыб, заросшие странными колышущимися перепонками и паутиной; высокий – куполом – потолок, с которого свисали пятнистые, в прорехах, полотнища и перепончатый вырост, напоминающий человеческое ухо; под выростом располагался гладкий черный диск, окруженный десятком тонких гофрированных трубок. Пол помещения густо усеивали небольшие серые холмики с дырами на вершинах, ни дать ни взять вулканы в миниатюре. Пахло здесь неприятно, незнакомо, и тишина стояла, как вода в черном омуте.

Шустов постоял, посмотрел и вернулся к товарищам.

– Тут впереди ритуальный зал, – сказал он, к чему-то прислушиваясь. – Далеко не расходитесь, посмотрим – и довольно. Подождем Ранги и распределим обязанности.

Археонавты вошли в зал...

Ранги передал известие о находке храма диспетчеру исследовательского центра, захлопнул фонарь кабины и, посвистывая, пошел вниз, разглядывая рыжие фестоны пыли на портике храма и с уважением прикидывая его размеры. Как видно, обитатели Гийаса были весьма умелыми строителями и зодчими. Сколько же труда надо было вложить в постройку таких колоссов, труда и времени?!

У храма уже никого не было – археонавты, очевидно, вошли внутрь. Ранги прошелся у вызывавшей трепет своими габаритами колоннады, вслушиваясь в долетающие из храма звуки, но голосов друзей не услышал.

«Странно все-таки, – подумал он, останавливаясь. – Что-то мне мешает... какая-то подсознательная тревога... будто я что-то забыл или упустил из виду... Что же именно?»

Он поднял голову и еще раз внимательно оглядел оранжевые песчаные холмы, поросшие на макушках гийасским саксаулом, желтое небо в клочковатых зеленых облаках, тяжелую громаду храма, ощутимо придавившую почву. Ничего... Впрочем, здесь почему-то нет ящериц, а на других развалинах пройти невозможно, не подняв их писка. Что же еще?

– Юра, Властислав, – позвал Ранги, посмеиваясь в душе над своими страхами.

– Р-р-ра... слав-лав-ав... – ответило эхо.

И тут наконец Ранги понял, что его смущало. Храм это или не храм – не суть важно, но к нему должны подходить дороги, и не плохие дороги, строили-то его в местах, удаленных от горных разработок, и перевезти сотни тысяч тонн строительного камня, не оставив следа... Где эти дороги? Неужели засыпаны песком? Не может быть... Здесь даже подходов к храму не видно... Не по воздуху же переносили многотонные гранитные блоки...

Ранги сделал шаг назад и почувствовал, что падает...

Лабовиц повел стволом и плавно нажал на спуск.

– Дан-н-н! – отозвался карабин, змееногий мышелов свалился с дерева и остался лежать, выделяясь издали на сером фоне травы яркой пятнистой окраской.

– Ловко! – прищелкнул языком Свиридов. – Метров семьсот?

– Километр, ближе он нас не подпустил бы. Беги скорей, через полчаса он очнется, и ты не успеешь с программой. Я бы не хотел стрелять в него еще раз.

– Ему же почти не больно, снотворное действует мгновенно.

– Какая разница?

– Охотничек! – фыркнул Свиридов, передвинул сумку с приборами на живот и рысцой побежал в распадок, стараясь не терять из виду дерево с гнездами древесных мышей. Издали оно напоминало новогоднюю елку, украшенную бриллиантовыми шарами.

Лабовиц лег на спину, придвинув к ноге карабин, заложил руки за голову и стал смотреть в легкое летнее небо – на Быстрой оно было удивительно густо-синего цвета; голубое око светила только подчеркивало его синеву.

Через двадцать минут вернулся Свиридов и привел с собой невысокого, приятной наружности человека, одетого в вязаную безрукавку и белые шорты. В одной руке тот держал цилиндр камеры для объемной видеосъемки, в другой – ремни антиграва.

– Эрнест Гиро, – представился незнакомец, наклоняя голову.

– Турист, – отдуваясь, сказал Свиридов. – Вчера с Земли, на «Римане».

– Очень приятно. – Лабовиц привстал, называя себя. – Вам повезло, насколько берусь судить? Ведь пассажирского сообщения с Быстрой еще нет, а «Риман» – крейсер погранслужбы.

– Едва ли это можно назвать везением, – пожал плечами Гиро. – Я в общем-то не турист... пограничник, член экипажа «Римана».

Свиридов с удивлением уставился на робкого с виду человечка, потом с видимым наслаждением сел на траву.

Лабовиц, в свою очередь, с любопытством разглядывал нового знакомого, пытаясь увидеть в нем те качества, которые соответствовали, по его мнению, работнику пограничной службы Даль-разведки. С виду неловок, неуклюж, но внешность далеко не всегда отражает истинную линию характера...

– Вам нравится Быстрая? – спросил Лабовиц после некоторого молчания.

– Красивая планета, – ответил Гиро с заминкой. – Решил полетать над лесами с камерой. Знаете, здесь леса – почти как на Земле.

– А вот он не любит летать, – проворчал Свиридов, взяв с сумкой. – И я из-за него вынужден скакать галопом по всем местным буеракам.

Гиро поднял вопросительный взгляд.

– Местная живность не любит летунов, боится, – пояснил Лабовиц. – Здесь обитают милые птички – птерольвы, напоминающие летающих крокодилов. Так что вы осторожней с полетами, могут напасть, особенно если у вас нет оружия. Удивительное дело, но они словно чувствуют, когда нет оружия. А скорость антигравов – далеко не гарантия безопасности. Ничего, пешком ходить полезно. А по какому случаю «Риман» причалил к Быстрой? Случилась какая-то неприятность?

– Вынужденная остановка, – сказал Гиро; видимо, это было в его характере – обдумывать каждый свой ответ. – Разве прибытие погранкрейсера всегда связывается с неприятностями?

Лабовиц улыбнулся. Разговор ему нравился, как и этот мягкий, по всей видимости, человек с абсолютно нетипичной для пограничника внешностью.

– Аварии и катастрофы вы считаете просто неприятностями?

– Катастрофы и аварии не в нашей компетенции.

– А что в вашей?

Гиро повесил видеокамеру на грудь.

– Все то, с чем сталкивается человек ищущий в космосе, на Земле по всем направлениям изысканий.

– Психологический фронт, – понимающе кивнул Лабовиц.

– Фронт?

– Слово из лексикона двадцатого века, обозначающее линию встречи двух воюющих сторон. Я читал историю мировых войн...

– Занятие, достойное охотника, – насмешливо обронил Свиридов, вытирая пот со лба.

– ...и это обогатило меня некоторым военным и историческим знанием, – хладнокровно закончил Лабовиц. – Хотя охотоведу оно и необязательно. Да вы присядьте, жарко сегодня.

Гиро покосился на карабин у ноги Лабовица и, сложив антиграв, сел рядом.

– Это был самец, – сказал Свиридов, с треском захлопывая футляр какого-то прибора из своего спецнаряжения. – Теперь нужна самка.

– А чем вы занимаетесь, если не секрет? – вежливо спросил Гиро, чтобы поддержать разговор.

– Биомониторингом ⁵.

– Мой товарищ – эколог, – пояснил Лабовиц, – причем молодой и очень эрудированный. – Свиридов насупился. – Он изучает стереотипы поведения животных на этой планете, что входит в функции биомониторинга...

– Будет тебе, – хмуро сказал Свиридов.

– Я всаживаю в животное иглу со снотворным, – невозмутимо продолжал охотник, – а он запикивает в него тьму разного рода датчиков, вот и все.

– Интересно, – серьезно сказал Гиро.

Лабовиц засмеялся, легко вскочил на ноги и потянулся сильным телом.

– Хорошо!.. Хотя и жарковато, конечно. Искупаться бы сейчас. Ну что, пошли, эколог?

Свиридов молча встал.

– А я видел неподалеку озеро, – заметил Гиро. – Километра два отсюда. Хотите, покажу, да и сам с удовольствием искупаюсь.

⁵ Мониторинг – система наблюдения за элементами природной среды в пространстве и во времени по заранее подготовленной программе. Биомониторинг – система наблюдений за биосферой планеты.

– Озеро? – удивился Лабовиц. – В округе на десятки километров нет ни одного мало-мальски пригодного для купания озера.

Гиро вежливо улыбнулся, не желая возражать.

– Охотник! – съязвил Свиридов, отыгрываясь. – Тебе к карабину недостает телескопа. Ведите, Эрнест, докажем этому Фоме неверующему, что у него слабое зрение, а может быть, и память.

Гиро сориентировался и пошел напрямик через негустой, усыпанный мелкими желтыми цветами кустарник в сторону от базового лагеря экологической экспедиции. Сбитый с толку Лабовиц и повеселевший Свиридов тронулись следом.

Через четверть часа они вышли на край небольшой долины, окаймленной со всех сторон сосновым – по виду – лесом и остановились. Перед ними во всей своей хрустальной красе раскинулось большое голубое озеро, лизавшее волнами желтый песчаный пляж.

– Диво дивное! – завопил Свиридов и первым бросился на берег, раздеваясь на бегу.

– Странно! – задумчиво сказал Лабовиц, покусывая травинку. – Могу поклясться, что раньше этого озера здесь не было.

Гиро перевел внимательный взгляд с озера на лицо охотника, словно взвешивая его слова, и снова посмотрел на озеро, в волны которого с уханьем бросился Свиридов.

– Знаете, – сказал он медленно, – мне оно тоже не нравится.

– Дело не в эмоциях... мертвое оно какое-то. На Быстрой мало наземных озер, зато все, какие есть, поросли всякой растительной мелочью. Здесь же вода чистоты необыкновенной, да и птиц не видно... и песка я у здешних озер не видел.

– Ну что же вы? – кричал им Свиридов, поднимая тучу брызг. – Вода великолепная, пресная, пить можно.

Гиро вдруг надел антиграв и сунул в руки Лабовицу видеокамеру.

– Держите. Вам не кажется, что озеро меняет цвет? Я верну вашего товарища, а вы пока снимите всю эту картину.

Он подпрыгнул и, как пущенный из пращи камень, выписал аккуратную траекторию к ныряющей голове Свиридова в сотне метров от берега. И не успел он зависнуть в воздухе, как воды озера совершенно бесшумно встали вокруг него стеной.

Реакция у Лабовица была отменной, и он отскочил, прежде чем метнувшийся к нему голубой рукав «озера» успел его коснуться. Дважды прогремел карабин, и наступила тишина.

Последнее, что увидел Лабовиц, – уплывающее в небо гигантское черное яйцо, все в складках и бороздах, похожее на увеличенный в сто тысяч раз грецкий орех.

ВЫЗОВ

Ушли вниз отвесные стены ущелья. Горизонт накренился, брызнуло в глаза алым светом. Шедший впереди пинасс внезапно вильнул вбок, кувырнулся и, кружась, как осиновый лист, потянул к пикам Кинжального хребта. Вторая машина резко прыгнула вверх, избегая столкновения с паутиной, но гигантская, сплетенная неведомыми пауками сеть испустила вдруг сноп ярких искр, достигших пинасса, снова перекосялся горизонт...

Изображение в виоме смазалось, покрылось радужными пятнами. Грехов протянул руку и выключил проектор.

– Третья попытка за последние два месяца, – нарушил молчание Шелгунов. – Погибли двое, во второй машине, – водитель-пограничник и коммуникатор; первый пинасс вели автоматы. Паутины до сих пор на контакт не идут, даже в экстремальных для них условиях.

– Мы же говорили со Свекольниковым! – Грехов резче, чем хотелось, убрал пульт в стену кабинета, нажал кнопку киб-секретаря и направился к порогу. – Прежде чем претворять идеи коммуникаторов в жизнь, он, как старший погранотряда, должен согласовывать их с руководством! Со своим хотя бы. Он что, хочет угробить контакт в самом начале?

– Меня в тот момент не было на Станции, – виновато проговорил Шелгунов. – Поэтому я ничего не знаю об экспериментах с паутинами. Есть какая-то порочная логика в том, что паутины – всего-навсего сторожевые автоматы цивилизации Тартара. Все эксперименты ученых направлены на проверку этого постулата. Отсюда и неудачи. А у тебя есть насчет всего этого свежие идеи?

Грехов задержался на пороге, покачал головой:

– Свежими идеями я, увы, тоже поделиться не могу. А Свекольникова предупреди, чтобы не шел на поводу у исследователей. Хотя за гибель людей на Тартаре первым я спрошу с тебя, а не с директора Станции. Ну и с него, конечно.

Они вышли к лифту, который вынес их под купол обзорной башни базы, возвышающейся на полторы сотни метров над дном кратера Аристарха. Голубовато-пепельное лезвие земного серпа заливало площадку над куполом мягким сиянием, скрадывающим тени и истинные размеры предметов. Площадка была пуста: сама башня давно устарела, стала памятником традиций земных строителей, пришедших на Луну более двухсот лет назад, и редко кто из сотрудников Управления аварийно-спасательной службы заходил в башню в часы отдыха.

– Меня почему-то частенько тянет сюда, – пояснил Грехов в ответ на недоумевающий взгляд Шелгунова. – Ностальгия по прошлым временам штурма Луны.

– Мне это не дано. – В голосе Шелгунова прозвучало сожаление. – Я не поэт и не лирик, но тебя понимаю. Я передам Свекольникову твои пожелания.

Грехов протянул ему руку.

Не успели они разойтись, как под куполом башни прозвучал сигнал интеркома:

– Заместителя начальника отдела безопасности вызывает секториат. Повторяю: заместителя начальника отдела безопасности вызывает секториат управления на тринадцать ноль-ноль.

Грехов переглянулся с Шелгуновым, добрался вместе с ним к залу тайм-фага и перенесся в здание секториата УАСС, располагавшееся в Брянске, на берегу Десны. Ровно в тринадцать ноль-ноль по среднесолнечному времени он вошел в кабинет руководителя пограничной службы Даль-разведки Торанца.

Кубическое помещение кабинета было погружено в полутьму, озаряемую всполохами видеоселектора. Два виома показывали пейзажи знакомых планет Солнечной системы, один отражал чей-то кабинет. Торанц, длиннолицый, длинноносый, весь словно вытянутый в длину, тронул сенсор селектора, и третий виом погас.

– Проходите. – Он кивнул на кресла. – Выбирайте место.

Грехов коротко поздоровался с присутствующими, огляделся, заметил Пинегина и сел. Петр Пинегин был начальником отдела безопасности, то есть непосредственным руководителем Грехова, уже второй год и ровно столько же его другом. Подружила их не работа, подружил Диего Вирт, друг Габриэля с детства, хотя Диего и не работал в управлении. Пинегин был великодушен и деликатен, в меру требователен, ценил юмор. Фигуру его, кряжистую, плотную, можно было узнать издали по чуть косолапой медвежьей походке. При первом знакомстве Пинегин показался Габриэлю медлительным, ленивым и даже туго соображающим, но впоследствии оказалось, что это далеко не так, хотя медлительная осторожность и входила составляющей в черты характера начальника отдела.

– Прощу внимания, – сказал Торанц, хотя в кабинете и без того было тихо. Голос его был глуховат и невыразителен, но Грехов почувствовал смутную тревогу. Вызов к начальнику погранслужбы сам по себе не означал ничего особенного, совместные совещания безопасников и пограничников были не в диковину, но в том, что, кроме Пинегина и Грехова, были вызваны все начальники отделов УАСС, крылось нечто тревожное.

Торанц повозился и выключил остальные виомы. Вспыхнул белый свет. Грехов встретился глазами с Пинегиным, и они одновременно подмигнули друг другу.

– Итак, – продолжал Торанц, – здесь все руководители отделов УАСС и погранотряда Даль-разведки. Как вы уже знаете, в течение прошедшей недели погранслужбой второго сектора отмечен ряд непонятных исчезновений людей. В первом случае это произошло в системе гаммы Единорога, на второй планете системы, Юлии. Во время спасательного рейда в условиях ночной грозы исчез тяжелый танк-лаборатория типа «Мастифф» с двумя членами экипажа. Во втором случае без вести пропала группа археонавтов из пяти человек на Гийасе, третьей планете системы альфы Единорога. В обоих случаях причины исчезновений выяснить не удалось. Спецгруппы пограничной службы второго сектора, а это специалисты высокой квалификации, не обнаружили в местах исчезновений никаких следов.

– То есть совсем никаких? – недоверчиво спросил Пинегин.

– То есть совсем.

По рядам прошло легкое движение.

– Но это еще не все. Вчера вечером получено сообщение от дельты Орфея – как видите, это уже третий сектор – планета внутреннего пояса Быстрая. По счастью, единственный свидетель происшествия, некто Герман Лабовиц, успел перед смертью, – по комнате снова прошло движение, – заснять виновника, как мы теперь полагаем, всех исчезновений, вернее, похищений. Двух мнений здесь быть не может: мы столкнулись с проявлениями неизвестной и, весьма вероятно, разумной жизни. Посмотрите снимки.

Торанц положил руку на панель своего стола-пульта, и стеной виом воспроизвел перед ними один за другим объемные голографические снимки: сначала удивительное синее озеро с купающимся в нем человеком, потом то же озеро, сворачивающееся в полупрозрачный кокон, и наконец гигантское – судя по визирным меткам – черное сморщенное яйцо. Форма конечного продукта трансформации «озера» ничего не говорила ни пограничникам и спасателям, ни представителям Института внеземных культур.

Торанц из-под насупленных кустистых бровей оглядел людей.

– Налюбовались? Ну и каковы же мнения?

– Мнениями делиться рано, – прозвучал сзади Грехова знакомый голос. Он оглянулся и встретил спокойный взгляд светло-серых глаз Диего Вирта. – Возникает вопрос другого рода. Созвездие Единорога бедно звездами и планетами, как, впрочем, и система Орфея. Ни на одной из планет обеих систем нет неизвестных и тем более разумных форм жизни; открыты планеты давно и исхожены экспедициями вдоль и поперек.

– Неизвестная форма жизни не обязательно должна быть планетарной, – сухо сказал Торанц. – В том, что исчезновение хотя бы последних двух человек – не случайное явление, вы

убедились. Как я уже сказал, двух мнений быть не может. Другое дело – кто совершил нападение? Неизвестное науке хищное существо или же разумные повелители машины с колоссальными возможностями к трансформации? Для конкретности руководство погранслужбы предложило назвать эту машину... или существо, не суть важно, сверхоборотнем. Ибо превратиться в озеро так, чтобы оно для сенсомоторных реакций человека было неотличимо от настоящего, может только суперподражатель.

На пульте зашелся писк зуммер. Торанц включил дежурную линию связи, виом отразил серо-фиолетовую пустыню, фиолетовое небо и двух человек в одинаковых белых комбинезонах и унтах, стоящих под прозрачным куполом станции связи.

– Корабль готов, – сказал один из них. – Скоро ждать пассажиров? И сколько их будет?

– Около пятидесяти. Жди через три часа по своему ТФ-каналу. Экипаж предупрежден? Человек то ли кашлянул, то ли засмеялся.

– Что ты имеешь в виду?

– Неразглашение тайны, – серьезно ответил Торанц.

Снова тот же смешок. – В рамках инструкции.

– Стандартно отвечаешь.

– Каков вопрос, таков и ответ. Не беспокойся, не в первый раз идем в поиск, жду гостей. Человек махнул рукой, Торанц вырубил связь, мельком посмотрел на часы и нахмурился.

– Вопросы есть?

– Я понял так, что все три случая произошли в разных звездных системах, – нарушил молчание Пинегин.

– Это не вопрос, а утверждение. Если наши предположения верны и все три похищения совершены сверхоборотнем, несмотря на то, что расстояния между посещенными им системами значительны – от четырех до одиннадцати световых лет, – факт передвижения сверхоборотня в пространстве со скоростью наших крейсеров имеет колоссальное значение! Если же сверхоборотень – порождение агрессивной цивилизации, опасность настолько велика, что недооценка ее граничит с преступлением. Мы уже на собственном опыте знаем, на опыте земной культуры, что выход в космос может совершить и цивилизация, не решившая на своей планете всех социальных противоречий. Отсюда и выводы.

– По-моему, пограничники подкинули нам хорошую свинью, – шепнул Пинегин на ухо Грехову. – Ситуация неординарная.

– Нештатные ситуации всегда необычны, а эта и впрямь таит резервы неожиданности, – отозвался Грехов.

Торанц посмотрел в их сторону, но прерывать не стал.

– В связи с появлением сверхоборотня сегодня состоится заседание Совета безопасности, но ситуация столь тревожна, что требует немедленных действий. Считайте, что вы уже начали операцию. В распоряжение поисковых групп, несмотря на огромные энергетические потери, связанные с широким пространственным поиском сверхоборотня, отдаются два крейсера А-класса «Ильмус» и «Риман». Командира «Ильмуса» Виктора Ненарокова вы только что видели. Руководителем операции назначается начальник отдела безопасности Петр Пинегин. Основная нагрузка, естественно, ляжет на безопасников («Что я говорил?» – шепнул Пинегин Грехову) и на погранотряд Вирта, ибо он начинал поиск, но всем остальным начальникам служб необходимо подготовить оперативные группы по четыре-пять человек из числа самых опытных специалистов. Группы должны быть укомплектованы аппаратурой и готовы к вылету в течение суток. Сбор на Титане у резервного ТФ-приемника, шифр я дам. Все. Грехову, Пинегину, Вирту и ученым остаться.

Кабинет почти опустел, оставшихся вместе с названными и представителями ИВК оказалось всего шесть человек.

– Продолжим, – сказал Торанц, хмуря брови. – Времени до обидного мало. Начать вам придется с оповещения населения поселков, станций и лагерей экспедиций в тревожной зоне Рукава, особенно там, где уже поставлены тайм-фаги, об опасности свободных поисков и выходов вообще. Пусть свернут на время исследования, туристские турне и прочее. Эта часть операции должна пройти в строжайшей тайне. Объявить по всеобщей информсети о появлении сверхоборотня, об опасности прямых контактов с ним мы не можем по той простой причине, что это вызовет обратный эффект: десятки, если не сотни, юнцов, молодых сорвиголов тотчас же устремятся на поиски сверхоборотня – слово «дисциплина» не всегда в почете у юных любителей острых ощущений – и не только раскроют неведомому врагу... ну, может быть, не врагу, не знаю, – наши планы и сорвут операцию, но и подставят себя под удар, защиты от которого мы не знаем. Помните о Большом радиовсплеске – вспышке на Солнце, случившейся сорок лет назад? Тогда в поток мощного корпускулярного излучения попали многие сооружения Меркурианской и Венераанской зон, об опасности лучевой волны было передано по глобальному видеовещанию, и в результате сотни энтузиастов, самодеятельных спасателей, кто на чем мог, устремились к Солнцу, тут же попадая в положение пострадавших. – Торанц помолчал. – Среди этих горе-спасателей был и я...

– Порыв их понятен, – после некоторого оживления сказал Диего Вирт. – Но допустить подобное в нашем случае нельзя. Хотя, честно говоря, я не верю, что тайна о появлении сверхоборотня просуществует долго. Слухи имеют обыкновение просачиваться даже сквозь вакуум быстрее света.

Торанц едва заметно поморщился:

– Допустим, но именно поэтому и нет времени на обсуждение гипотез. Все тайм-фаговые станции в тревожной зоне мы, конечно, поставим под контроль, остальное будет зависеть от вас, как ни тривиально подобное заявление. Думаю, на отдел безопасности ляжет дополнительная обязанность снабжать отряды обученными работе в сверхтяжелых условиях специалистами, в том числе и следователями. Петр, какого рода специалисты понадобятся в первую очередь?

– Пока никакие, – ответил вместо Пинегина Грехов. – Для начального этапа операции нужны люди с универсальной подготовкой, как технической, так и коммуникаторской, и у вас и у нас таковых достаточно. В дальнейшем, возможно, понадобятся консультанты ИВК по экзобиологии, ксенопсихологии, истории.

– Наши мнения совпадают. – Торанц встал из кресла, седой, угрюмый, кругами заходил по кабинету. – Консультанты ИВК перед вами. Сергиенко, ксенопсихолог-универсал.

Широкий, костистый старик с прозрачно-голубыми глазами привстал и слегка поклонился. Грехов знал его давно.

– Нагорин, экзобиолог и врач-универсалист.

Рослый, с коротким ежиком волос, врач напомнил Грехову Сташевского: тот же взгляд исподлобья и жесткие губы. Сташевский... На миг защемило сердце: Сташевского не было рядом уже четыре года, со дня его гибели на Тартаре.

– Распределить обязанности сумеете сами. – Торанц остановился, услышав зуммер вызова. Быстро подошел к пульту и сердито отключил сигнал. – Я же просил не соединять!

– Детали обговорим в рабочем порядке, – подтвердил Пинегин.

– В таком случае все свободны. На вас, Габриэль, кажется, возложена работа с Тартаром? Насколько она важна?

– Думаю, на время операции с ней справится руководитель группы Шелгунов. Он в курсе всех трудностей.

– Хорошо. Петр, вы задержитесь на минуту...

Грехов вышел первым, подождал Диего и пошел рядом.

– Не ожидал, что придется работать вместе. Но задание не из простых. Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что...

– Но там гибнут люди! – отозвался Диего, обнимая миниатюрного – сам он был на полторы головы выше – Грехова за плечи. – Если гибнут люди – это отвратительно! Понимаешь, я влип в это дело случайно: прибыл на «Римане» к Быстрой – обычная погранпрофилактика, и тут случай с Эрнестом Гиро и Лабовицем, можно сказать, прямо на наших глазах!.. Ты в отдел? Тогда нам по пути, обещал Анне навестить ее родителей. Кстати, как Полина? Где она сейчас?

– Дома, готовится к родам. Мы наконец решились...

– Поздравляю! И кого ждете?

– В этом наши желания и мнение диагноста совпадают: сына.

ПОИСК

Несколько дней крейсера УАСС и погранслужбы – «Ильмус» и «Риман» – «пахали» пространство в кубе с ребром в десять парсеков. Все немногочисленные планеты этой бедной звездой области космоса были обследованы тщательно и придирчиво, но чуда не произошло: разумных существ, которым приписывали создание сверхоборотня, ни на одной из планет, а также и вне планет не оказалось. То ли сверхоборотень пришел сюда издалека, то ли маскировался столь успешно, что земная техника не могла его обнаружить, то ли гипотеза о самом сверхоборотне оказалась несостоятельной. О последнем не говорили вслух, но многие участники поиска склонялись именно в пользу этого соображения.

А на шестой день похода сверхоборотень объявился у беты Зайца, на три парсека в стороне от направлений поиска.

Разведмодуль Грехова заканчивал патрулирование системы небольшой зеленой звезды, имевшей лишь кодовый номер в звездном каталоге, когда прозвучал сигнал срочного вызова, и появившийся в виоме Пинегин коротко сказал:

– Всем срочно на крейсер!

Грехов переглянулся с пилотом, и тот молча привел в действие автоматику возвращения.

Через минуту они уже выводили свой иглообразный кораблик из фокуса приемной антенны крейсера, пронзив около двух световых лет. Пока модуль обрабатывал команды финиш-робота, Грехов любовался корпусом «Ильмуса», излучающим ровный оранжевый свет; в настоящее время походный диск корабля оброс шестью лепестками силовых антенн и напоминал исполинскую ромашку...

Крейсеры А-класса создавались как аварийно-спасательные корабли и корабли сверхдальней разведки. Они сами могли создавать «мнимые» коридоры – основы мгновенной тайм-фаговой связи. Но в то время, как система стационарной ТФ-связи имела и передатчик, и приемник, разнесенные на необходимые расстояния, и все время поддерживала открытые каналы между ними, крейсера создавали векторные коридоры, по которым и передвигались они сами и корабли маневренной разведки в пределах двух-трех парсеков. А поскольку для поддержания векторного коридора требовалось энергии на порядок больше, чем для двустороннего, крейсера были мощными кораблями. Диаметр диска «Ильмуса» достигал трех километров, корпус «Римана» – двойной конус – был в полтора раза крупнее.

Один за другим вынырнули ниоткуда модули других групп: мелькнули и пропали беззвучные вспышки инверсионных переходов, «Ильмус» втянул все аппараты в ангар и погасил маяки.

В экспедиционном зале, где уже сошлись командиры поисковых групп, Грехову стала известна причина срочного свертывания поисков. Сверхоборотень снова показал зубы, причем буквально под носом у экспедиции. Объявился он у беты Зайца, звезды, известной землянам под названием Арнеб. Эта небольшая желтая звезда имела семью из четырех планет. Одна из них, покрытая карликовыми лесами, пользовалась славой курорта и заповедника. Именно на ней сверхоборотень и показал еще раз свои возможности.

Он опустился вблизи северного полюса. Когда и как он там появился – не видел никто: ни отдыхающие, ни многочисленные планетарные службы, ни астрономические станции. Факт тот, что проник он на планету незамеченным и изобразил нечто вроде разбитого космического корабля, который и обнаружила семья Стенсенов.

Первым его увидел шестилетний Иво и рассказал отцу. Вдвоем они смело пошли на штурм древней межзвездной развалины – были уверены, что корабль оставлен нарочно, как памятник погибшим, – и... миссис Стенсен видела все со стороны и успела сделать несколько

снимков «разбитого корабля», а также поймала момент, когда он внезапно свернулся в чудовищное черное яйцо...

Ее нашли потом возле триера, пораженную неизвестным видом лучистой энергии. В сознание она так и не пришла.

– Каким же образом узнали, что именно сын первым заметил сверхоборотня? – спросил Грехов.

– Инфор, – коротко ответил Сергиенко. – Миссис Стенсен была корреспондентом агентства передачи новостей и успела записать несколько фраз для репортажа. Случай уникальный!

– Здесь много непонятного, – проговорил Диего Вирт. – Во-первых, сверхоборотень допустил явную ошибку, не подождав, пока третий свидетель его «открытия» не войдет в него. Во-вторых, стартуя, он вдруг оставляет следы, голограф с его изображением и инфор, что является для него прямой утечкой информации. Все это указывает либо на узкоблость автомата – в таком случае сверхоборотень всего лишь автомат, действующий по программе, – либо на странность логики существ, создавших его и не боящихся, что их раскроют, если они сами находятся на его борту. Но тогда получается явное противоречие между их техническим потенциалом и логикой действий.

– Может быть, – сказал Грехов задумчиво, – сверхоборотня кто-то спугнул? Отсюда и его ошибки – торопился.

– Допустим, согласен, могли и спугнуть. Но ведь и на Быстрой, и у дельты Орфея произошло то же самое. Третий человек, не попавший в загадочные апартаменты сверхоборотня, успевает заснять его, и снимки эти доходят до нас. Совпадения?

– Это можно проверить. – Пинегин повернулся к пульту команд. – Я дам запросы на Быструю и на Арнеб-3, какие события происходили там во время похищений. – Он набрал шифр и отдал приказание инженерам связи корабля. Потом повернулся к остальным:

– Продолжим. У беты Зайца нам делать нечего. Местные власти собственными силами прочесали планету и окрестности звезды, сверхоборотня там, естественно, не оказалось. У кого есть предложения, рабочие гипотезы? Оборотень действует рядом с нами, а мы его не видим и не знаем, что он предпримет в следующую минуту. Мнение Диего мы выслушали, кто еще?

– Непонятно также, почему именно человек заинтересовал его, – сказал сосредоточенный Нагорин. – Сравнительно недалеко, в нескольких парсеках есть система, населенная расой Орилоуха... Или то, что сверхоборотень наткнулся на землян, случайность? Но самое поразительное – ни одной попытки вступить в контакт, ничего похожего на научное исследование!

– Мы избаловались, – усмехнулся Сергиенко. – Все нам доступно, мы кажемся себе могучими и непобедимыми. Галактику считаем собственным двором, и в результате появляется сверхоборотень и на своем языке поясняет: нет, ребята, космос – это не увеличенная до бесконечности Земля, это иное качество, и населен он такими существами, логика жизни которых принципиально отличается от человеческой! А может быть, причина похищений, наоборот, столь банальна, что наш увлеченный высокими материями ум просто пропустил готовое объяснение.

– Например, людей ловят для приготовления особого деликатеса, – предложил Нагорин без тени юмора. – Контакт, но, так сказать, чисто гастрономический.

– Разве первый раз мы спотыкаемся о свои заблуждения? Вспомните Тартар...

«Сергиенко вовремя упомянул Тартар, – подумал Грехов. – Нелишне вспоминать Тартар почаще. Там остался Сташевский... и многие другие. Я помню страх и боль, я дважды воскресал после Тартара... Тогда я был просто исполнителем, а теперь мои ребята, безопасники, ненамного моложе меня, идут туда выполнять то, что не выполнил я, и теперь я понимаю Кротаса, который не выдержал нервной нагрузки руководителя и ушел из управления... Я помню Тартар и потому, что не забывал его, забывать его нельзя, для меня он надолго останется точкой отсчета времени взросления. Но если там мы споткнулись о собственное незнание, что

оправдывало нас социально, то теперь мы не имеем права спотыкаться, ибо никто и ничто нас не оправдает, пока гибнут люди...»

– Все мы помним Тартар. – Пинегин рассеянно пригладил прядь русых волос на лбу. – Если у вас нет предложений, то послушайте мое. Пока «Риман» обследует окрестности Арнеба, у нас есть шанс опередить сверхоборотня.

Торанц вопросительно поднял брови.

– Как?

– Первое появление сверхоборотня предполагается в гамме Единорога, так? Потом была альфа Единорога, потом дельта Орфея и, наконец, бета Зайца. А теперь соедините эти системы линией. Что получается? Идеальная прямая, вектор, идущий откуда-то из внегалактического пространства. И если это не случайное совпадение, то следующего появления оборотня следует ожидать...

– У одной из звезд Зайца, – закончил Диего Вирт, проделав в уме быстрый расчет.

– У тэты Зайца, – согласился Пинегин. – Конкус, красный карлик с единственной геоподобной планетой. Теперь давайте обсудим план действий...

«Задача усложняется, – думал Грехов. – Предстоит, наверное, заблокировать целую планету! Хватит ли двух наших крейсеров и полусотни модулей? Что, если предположение Петра не отражает истины? Что тогда? Где искать сверхоборотня? И кто он? Пришелец из глубины метагалактики? Случайный гость? Или, наоборот, хозяин?»

Он невольно посмотрел на черный провал главного виома, открытого на бедную звездами область пространства.

«Ильмус» плавно изменил ориентацию и замер перед прыжком, пока автоматы рассчитывали тончайшие процессы тайм-фагового режима.

ЗАСАДА

Невидимой и неслышимой тенью модуль скользнул над сплошным морем тумана, окуная в него целиком. Едва ощутимая дрожь корабля ушла в корму, он медленно и плавно развернулся в положение финиша и замер. Пилот включил обзорный виом, и словно водопад мутного молока хлынул в рубку – туман был непроницаем.

Грехову показалось, что он одновременно ослеп и оглох. Он даже протер глаза и потряс головой, избавляясь от наваждения. Но это длилось лишь несколько мгновений. Туман заговорил. В его речи слышались вздохи, тяжелые шаги, мокрые шелесты, шлепки по воде и долгое булькающее пыхтение...

Утро в этом мире без конца и без начала уже наступило, серо-белое и безотрадное, но рассеять туманный слой, плотный, как желе, было не в силах. Модуль оказался в белесом нигде без неба и земли, лишь виом спутника-сторожа, сброшенного перед посадкой, показывал над сплошным плесом тумана изломанную дугу горного хребта, словно плавающего в воздухе невесомой громадой.

Грехов представил, как на планету сейчас со всех сторон садятся корабли десанта, и унял поднявшееся было волнение. В ходовой рубке, кроме него, располагались еще одиннадцать человек и пилот, поэтому рубка представляла собой зрелище странное и не радующее глаз, особенно для пилота Саши Леха. Но, если бы можно было сюда впихнуть еще с десятков оперативников, Грехов сделал бы это не задумываясь, так как модули садились на расстоянии в пятьсот километров друг от друга, и двенадцати человек для контроля гигантского квадрата суши в двести пятьдесят тысяч квадратных километров было слишком мало, несмотря на отличное техническое оснащение групп. Даже сотни человек, наверное, было мало. «Риман», высадив свои засадные отряды, умчался к Земле за помощью, но успеет ли он до появления сверхоборотня, никто не знал.

– Сначала небольшой инструктаж, – сказал Грехов негромко. – Касается всех, руководителей патрульных групп тоже. Вот карта нашего квадрата. – Он включил проектор и развернул цветную объемную карту района патрулирования. – Группе Шебранна: район от западного склона хребта до Чероки-озера.

Рубиновые линии отчеркнули на карте квадрат группы.

– Группе Танича: от реки Воскрешения до цепи морен Форты Надежды. Дальше иду я. Особенно внимательным надо быть тебе, Алеша. У тебя там туристский кемпинг, и хотя люди предупреждены...

– Все будет как надо, командир.

Грехов поморщился и запнулся, тонкое живое лицо его стало непривычно хмурым и неприветливым.

– Люди предупреждены, но риск не уменьшается, причем риск смертельный. Конкретных примет сверхоборотень не имеет, поэтому о любых, пусть самых неожиданных ассоциациях немедленно сообщайте мне. Главное – упредить оборотня, найти его, прежде чем он успеет поймать очередную жертву. Хочу предупредить также: знаю, стрелять вы умеете, так вот – стрелять только в случае прямой угрозы для жизни. Понятно?

– Понятно, – ответил за всех скучающий Шебранн. Грехов внимательно посмотрел на него, но промолчал. Он обратил внимание на поведение пограничника еще на крейсере. Шебранн работал у Вирта, ничего существенного о его характере Грехов не знал, но помнил предупреждение Диего, что Шебранн пограничник опытный, хотя и не без некоторой рисовки. Что ж, поживем – увидим.

– Теперь экипировка.

Грехов кивнул, пилот вскрыл в полу рубки люк багажного отсека.

– Антигравы.

Лех опустился вниз, и через минуту манипулятор подал из-под пола связку ремней крест-накрест, скрепленных квадратными пряжками излучателей.

– Экзоскелетные пленки...

Лех достал ворох коричневых толстопленочных костюмов, увеличивающих силу человеческих мышц.

– Рации и оружие.

Рации представляли собой дырчатые шлемы с наушниками, оружие – пистолеты «универсал», привлекающие внимание хищной и грозной красотой.

– Вылет через полчаса. Сейчас всем полная медицинская профилактика, без исключений. Еще раз спрашиваю – всем все понятно?

– Ясней ясного, – сказал Шебранн. – Одно непонятно: зачем нам экзоскелет? Лишний вес. Мы и сами не хлюпики.

У Грехова сузились и расширились крылья тонкого носа. Несколько секунд он молчал, потом неожиданно усмехнулся.

– Лишний вес, говорите? Подойдите ко мне.

Шебранн пожал плечами и протиснулся между креслами к пульта управления. Он был на две головы выше и чуть ли не вдвое шире командира, и Грехов снова усмехнулся в душе, зная, насколько обманчив его мальчишеский вид.

– Вот моя рука, согните в локте... так. Возьмите мою, упор в ладонь, а теперь попытайтесь пережать мою руку вниз.

Шебранн откровенно улыбнулся, оглядываясь на оживившихся товарищей, которые придвинулись ближе, ожидая необычного состязания. Забара и Лех, знавшие силу командира, переглянулись.

– Начинайте, – кивнул Грехов, – смелее...

Шебранн осторожно нажал, боясь сломать хрупкую по сравнению со своей руку Грехова. Тот даже не пошевелился. Тогда он нажал сильнее – никакого результата! Покраснев от досады, пограничник напряг мышцы в полную силу – рука Грехова и он сам казались отлитыми из металла.

– Все? – буднично спросил начальник отдела, будто вовсе не он сопротивлялся мощному натиску соперника. Потом медленно оттеснил руку Шебранна влево и дожал.

– Теперь понятно, зачем экзоскелетон?

Красный и злой, Шебранн вскочил с пола, растирая запястье правой руки. Во взгляде его читалось недоумение.

– Вы, наверное, заранее надели на себя экзопленку.

– Обыкновенный рабочий костюм. Кстати, вещь я при моем росте сто с лишним килограммов. А виновато в этом феномене мое детство. Наверное, мало кто из вас помнит аварию на «Дерзком»? Я родился на этом корабле и десять лет рос в поле тяготения, в три раза превышающем земное... Ну ладно, это все дела давно минувших дней. А усилители силы мышц нам очень могут пригодиться, потому что никто не знает, во что или в кого превращается сверхборотень. Забара и вы, Шебранн, останьтесь. Группу Шебранна поведете вы, Ивадари. Пожалуй, так будет лучше. Сам он пойдет со мной. Если нет вопросов – в дезкамеру!

Ходовая рубка постепенно опустела, груда снаряжения на полу растаяла. Грехов подождал, пока закроется люк, и посмотрел в лицо Шебранну.

– Мне не нравится ваша амбиция. В деле, которое нам предстоит, слишком много неизвестного, поэтому я не имею права рисковать, посылая старшим патрульной группы несдержанного человека.

Пограничник побледнел, уши его, наоборот, вспыхнули.

– Я мог бы вообще отстранить вас от операции, – продолжал Грехов холодно, – но, во-первых, катастрофически не хватает людей, а во-вторых, за вас поручился Диего Вирт, а ему я верю.

Габриэль отвернулся и шелкнул пальцами, переводя взгляд на пульт. Пилот понял, что нужна связь с крейсером.

– Пойдемте со мной, – закончил командир отряда. – Все, что я говорил на инструктаже, вы обязаны выполнять безоговорочно, и мой вам совет: не щеголяйте своим послужным списком и не делайте вид, что вам сам черт не брат! Это не принято даже среди стажеров. Вы поняли меня?

Шебранн молча отвернулся.

– Крейсер на связи, – сказал Лех.

– Хорошо, – сказал Пинегин, выслушав краткий отчет Грехова, и отвел в сторону свои мрачноватые, близко посаженные глаза. – Связь со мной с этого момента держи лишь в случае крайней необходимости: кто знает, на что еще способен сверхоборотень. Может, он пеленгует и ТФ-передачи.

– Как дела у Диего?

– Все в порядке. Он только что спрашивал о тебе. Кстати, ты особенно в бой не рвись, мне нужны лишь сведения о появлении оборотня, а не лихие погони со стрельбой. Как говорили раньше: вперед не суйся, сзади не оставайся, в середине не толкайся, но...

– ...инструкцию знай! – без улыбки закончил Грехов. – Инструкцию я знаю. Лучше скажи, ученые могут наконец определить, что такое сверхоборотень? Трудно бороться с неизвестным противником. У нас же куча представителей ИВК: Сергиенко, Талгрвенн, Нагорин. Они-то почему не подключаются?

– Они давно подключились, но информации, сам знаешь, кот наплакал. Кстати, откуда тебя знает Сергиенко? Он тут мне все уши прожужжал, распевая тебе дифирамбы.

– По Тартару.

Пинегин кивнул и перевел разговор на другую тему. Он знал, какую роль сыграл Грехов в конфликтной ситуации контакта на Тартаре.

– Ты ждешь чего-то еще? – спросил он. – С Землей связи пока нет, на время операции. Я понимаю, Полина... Попробуем связаться через ретранслятор, я потом дам знать. Не волнуйся, все будет хорошо.

Грехов прищурился, слабо усмехнулся.

– Философ ты, однако...

Посидев минуту, он протянул руку и выключил связь. Тень грусти промелькнула на его лице так быстро, что ее заметил только сидевший рядом внимательный Игорь Забара.

– Вот и наша минута пришла, – проговорил наконец заместитель начальника отдела, – уходить и прощаться без слов...

Они уходили последними.

Туман у модуля так и не рассеялся: то ли корабль сел в болотистой низине, то ли это было особенностью местной природы. Обходя круглое тело модуля, Грехов спугнул стайку каких-то молчаливых существ и включил антиграв.

Все трое выскочили из туманного одеяла прямо под серебристым шариком телезонда и направились в сторону моренной гряды под названием Форт Надежды, к границе подконтрольного группе района.

Всем участникам операции пришлось выучить с помощью гипнопедя планетографию своего участка, поэтому в рельефе проплывающей под ними местности Грехов разбирался хорошо. Над рекой Воскрешения он уверенно повернул навстречу встающему светилу.

Редкие туристы и многочисленные исследователи посещали эту планету просто: входили в кабину тайм-фага на Земле и спустя мгновение выходили из кабины приемного тайм-фага на планете. Но именно присутствие на Конкусе стационарного ТФ-комплекса и увеличивало опасность положения: несмотря на то что пассажирское сообщение Конкуса с Землей было временно приостановлено, все же сверхоборотню самым удобным для засады местом являлся тайм-фаг, а также поселки исследователей и туристов вокруг него.

Снизившись над сплошным листовым покровом сельвы, Грехов оглянулся, но найти место посадки уже не смог: сзади до горизонта тянулась однотонная стена серого тумана, смыкающаяся с такой же однообразной стеной небосклона. Все на этой планете казалось серым или бесцветным, то ли из-за эффекта освещения, то ли в действительности мир Конкуса имел серую окраску.

Экзоскелетный костюм почти не увеличивал массивность и объем человеческого тела, и двести километров до Форта Надежды они преодолели за три четверти часа. Отсюда и следовало начинать патрульное барражирование вдоль полосы обитаемой земли, в центре которой находилась станция ТФ-сообщения.

С воздуха моренный вал, источенный эрозией, действительно напоминал полуразрушенные каменные постройки, вернее, многокилометровую каменную стену с бойницами и башнями, и Грехов понял планетографов, давших следу древнего ледника название Форт Надежды.

У одной из башен они спланировали на почву, и Грехов проверил связь с остальными группами. Все складывалось нормально: спасатели и пограничники начали патрулирование, ничего подозрительного за это время не наблюдалось.

– Пойдем и мы, – сказал Грехов, оглядывая напарников. Шебранн был хмур и рассеян, но и это было в порядке вещей. Главное, чтобы урок пошел впрок. Второго спутника, Забару, Грехов знал давно и был спокоен за него во всех смыслах.

– Вперед пойду я и... Шебранн. Ты, Игорь, пойдешь страхующим. Следи не столько за обстановкой, сколько за нами. Держись метрах в двухстах, но не отставай.

– За тылы не беспокойся, командир.

– Поначалу, думаю, осмотрим тайм-фаг и его окрестности. Потом поселок биологов и всю остальную территорию. Ну, вперед!

Грехов полого поднялся в воздух, сориентировался и направился к небольшому ржавому облачку на горизонте – единственному объекту, нарушающему серую «гармонию» Конкуса в этом районе.

ЗАСАДА (продолжение)

ТФ-комплекс открылся неожиданно за крепью пузырчатых растений в котловине: голубая искусственная платформа с жилыми коттеджами, эллингом для прогулочных аппаратов и техническим центром. Самой примечательной чертой комплекса была приемная ТФ-камера, построенная в стиле «модерн» – эллипсоид, рассеченный тремя плоскостями. Передающая камера была построена в стиле «ретро» – миниатюрный замок с зубчатыми стенами и башенками.

Грехов посмотрел на часы, хмыкнул и опустил за полкилометра до платформы, жестом давая понять Забаре, что тот должен остаться здесь.

– Пройдем пешком. Посмотрим издали на эллинг, камеры, генераторы. Потом проверим границы квадрата.

– Вид у нас довольно подозрительный, – сказал Шебранн, похлопав по упругой пленке экзоскелетона. – Не покажется ли это странным наблюдателям оборотня?

Грехова тоже беспокоил этот вопрос, но отвечать он не стал.

Лес у ТФ-комплекса был редкий, похожий на свежую посадку. Деревья в нем достигали высоты всего двух-трех метров и напоминали пыльно-прозрачных водянистых осьминогов с ветвями-щупальцами, утыканными присосками-пузырями. В этом лесу невозможно было спрятаться, он просматривался метров на двести вперед, и тем не менее оказалось, что в нем прятались... нет, не люди. Гуманоиды – может быть, но не люди.

Разведчики успели пройти половину расстояния до платформы с тайм-фагом, и в это время на них со всех сторон набросились странные существа, не то заросшие густой серой шерстью, не то одетые в пушистые комбинезоны. Руки и ноги – вполне человеческие, а головы напомнили Грехову стереографии из цикла «Вещи смотрят на нас»: круглые башни с глазами-бойницами, ртом-дверью и конической макушкой-вершиной. Носов у незнакомцев не было совсем.

Грехов реагировал мгновенно, мозг работал ясно и четко, страха не было.

– Беги! – выдохнул он.

Шебранн заколебался, не отрывая взгляда от стремительно приближавшихся серых фигур.

– Пошел! – глухо рявкнул Грехов и с силой толкнул пограничника в спину. Шебранн включил антиграв, стал подниматься в воздух, но двое серых прыгнули за ним, схватили за ноги, остальные бросились на Габриэля. Оружия у них не было, и Грехов не стал вытаскивать свой «универсал». Не потому, что это было бы «не по-джентльменски», а потому, что всегда помнил завет Даль-разведчиков: применять оружие только в случае прямой угрозы для жизни.

Все дальнейшее произошло в течение полминуты.

Шебранн смог освободиться от захвата серых и свечой взмыл в воздух, подавая сигнал тревоги. Забара уже мчался к ним на полной скорости, но опоздал.

Грехов увернулся от первого нападавшего, схватил второго за шею и ударил приблизившегося сзади обеими ногами в прыжке. Падая, увлек противника за собой и с трудом перебросил через себя, удивляясь неожиданной его массе: весил серый нечеловек килограммов двести. Мгновенно вскочив, Габриэль оказался лицом к лицу с двумя оставшимися серыми, не успевшими вмешаться в схватку.

Азарта не было, был холодный расчет и желание объясниться.

– Послушайте... – начал он, но договорить ему не дали. – Что же вы, ребята, так невежливы?

Выпад в живот, нырок под стремительный ответный удар второго. Еще выпад, тяжелый удар в плечо, «аж загудело!» – как сказал бы Нагорин. Еще двое сзади. Одного в лицо – извините, жестоко, но не смертельно! Второго боковым «косым флинтom», третьего на себя и сверху «цепом» – полежи, дружок... Четвертый все же успел зацепить – словно молотком ахнул! Габриэль отлетел в сторону. На ногах, однако, удержался, помог экзоскелетон, но по достоинству оценил чудовищную силу противника. «Вот тебе и контакт! – мелькнула мысль. – Обыкновенная, ничем не спровоцированная драка!» Габриэль отступил на шаг – для обдумывания ситуации, но серый не дал на это времени. Он неуловимо быстро шагнул к человеку, рука дернулась вперед вместе с плечевым суставом, совершенно не по-человечески. Грехов уклонился от нового удара, не слыша, как Забара и Шебранн кричат: «Держись, командир!» – перехватил длинную серую руку, завел ее за себя и вбок, одновременно делая поворот вправо. Серый переломился в поясе, и тогда Грехов рубанул его сверху по безобразно толстой шее, вкладывая в удар всю силу и мощь скелетона.

В следующее мгновение Грехов нырнул вниз, под руки очухавшихся серых, перекатился на бок и включил антиграв, дав полную тягу. От перегрузки едва не потерял сознание.

Серых внизу словно ветром сдуло, исчезли как тени. Сквозь прорвавшиеся извне звуки конкусского вечера донесся тихий отчетливый свист, и с высоты сотни метров, куда унес его антиграв, Грехов увидел, как недалекая поверхность платформы тайм-фага искажилась, задрала края вверх, превращаясь в кокон, и на человека надвинулось нечто напоминающее гигантское черное яйцо.

Удар столкновения сбросил Грехова с пути движения «яйца», прочертив дугу, он упал в заросли пузырчатого кустарника. Переворачиваясь на спину, достал «универсал», но выстрелить не успел: одолела внезапная слабость, Грехову все стало безразлично. «Уйдет!» – вяло подумал он, роняя оружие.

С громовым ударом черное пятно сверхоборотня исчезло. А еще через некоторое время яркий белый свет упал сверху и огромный диск придавил ложбину. Крейсер «Ильмус» опоздал всего на минуту.

В долине, которую только что покинул сверхоборотень, начался переполох: бежали люди, кто-то громко давал распоряжения, а над Греховым склонились два лица: недоверчиво-испуганное Шебранна и озабоченное Диего Вирта.

«Ничего, все в порядке», – хотел сказать Грехов, но сознание почему-то ускользало, он с удивлением прислушался к своему телу, не веря, что оно отказывается повиноваться...

НА ГРАНИ ПРОВАЛА

Сознание вернулось к Грехову только спустя двое суток.

Крейсер совершал челночный поиск по трассе тэта Зайца – кси Голубого Колодца. Сверхоборотень ушел куда-то в этот район, ушел не один: как теперь знали люди – передвигались сверхоборотни группой в девять-десять особей. На Конкусе они появились сразу в девяти районах, и, если бы не принятые меры, могло произойти массовое похищение людей. Но, несмотря на тщательную подготовку операции и техническую оснащенность отрядов, сверхоборотни ушли все до единого. Локаторы крейсера поймали их в околопланетном пространстве сразу же после выхода и почти тут же потеряли, успев засечь примерное направление бегства. Группа оборотней ушла к оранжевому карлику кси Голубого Колодца, подтвердив тем самым гипотезу Пинегина: двигались они действительно по прямой.

В медцентре крейсера было тихо, но откуда-то до слуха долетали неразборчивые фразы, обрывки слов. Грехов сначала отнес это к слуховой галлюцинации, потом понял, что слышит голоса из динамика в углу комнаты. Тогда он приказал координатору палаты включить интерком – систему внутренней связи.

Стена напротив кровати «провалилась» в экспедиционный зал крейсера, и Грехов увидел компанию: Торанц и Джаваир, руководитель второго сектора УАСС, сидели, Диего Вирт, Нагорин и Пинегин стояли. Петр, сцепив руки на груди, рассуждал:

– Мне кажется, появление сверхоборотня не следует считать вторжением, хотя выглядит это именно так. Двигутся они прямолинейно, я не понимаю, в чем тут дело, почему они так несвободны в выборе направления; о причине такой скованности можно только гадать. Появление их также загадочно: у ближайшего звездного окружения мы не обнаружили цивилизаций. Может быть, это пришельцы из другой галактики? Правда, если обратить вектор их движения вспять, то он упрется в абсолютно свободное пространство. И хотя примерно в том направлении находится квазар Дитя Большого Взрыва, до которого около семнадцати миллиардов световых лет, предполагать, что сверхоборотень явился оттуда, несерьезно. С другой стороны, скорость движения их группы довольно высока...

– Главное сейчас не в их загадочности, – сказал бесстрастный, как всегда, Джаваир, щуря узкие черные глаза жителя Азии, создающие впечатление бойниц на сухой, коричневой от загара крепости лица. – Главное, что оборотни постепенно проходят бедные населенными планетами окраины Галактики и скоро вонзятся в недра нашего спирального Рукава ⁶. А там, вы знаете, десятки аванпостов и поселений человечества. Это новые потери и жертвы. Кроме того, возможно, пойдут планеты, населенные существами иных цивилизаций, и за них мы тоже теперь в ответе.

– Говорите конкретно, – глуховатым голосом произнес Торанц. – Что можно сделать со сверхоборотнями и какие средства может выделить Земля на эту операцию?

– Любые! – раздался высокий, с металлическими обертонами голос из затемненного угла зала. Человек встал, и Грехов узнал Банглина, заместителя председателя Высшего координационного совета Земли (ВКС). – Любые. Но это совсем не означает, что достижение контакта с ними возможно лишь посредством оружия. Последнее условие налагает на всех нас дополнительную ответственность, причем не столько за установление контакта, сколько за жизнь людей, которые и не подозревают о существовании оборотней. Прав Доминик, не время сейчас решать, разумен сверхоборотень или нет, животное он или звездолет с экипажем. Действуют оборотни не совсем чисто, но ведь и мы действуем не лучшим образом. Необходимо как можно

⁶ Наша Галактика состоит из пяти спиральных Рукавов, Солнце входит в число звезд Рукава Ориона.

скорее выработать стратегию дальнейшего поведения, учитывая прошлые ошибки, а они, к сожалению, были.

Банглин вернулся в кресло, помолчал и спросил:

– Почему же, однако, все девять оборотней ушли от нас? Сколько усилий – и впустую! И еще это странное происшествие с группой Грехова... Кстати, почему заместитель начальника отдела лично участвовал в операции? Не хватает специалистов?

Пинегин нахмурился.

– Специалистов такого класса действительно мало, хотя я и не одобряю его решения. Что касается срыва операции... Сверхоборотни взлетели до того, как мы узнали, где и в качестве кого они прячутся. Мне кажется, они централизованно получили сигнал от одного из своих приятелей на орбите. Этот оборотень мог заметить что-то подозрительное из космоса, как было уже два раза – мы проверили случаи на Быстрой и Арнебе-3. А с Греховым действительно произошел интересный и необъяснимый случай.

– Не из-за действий ли этой группы все остальные оборотни встревожились и ушли?

– Нет, – уверенно возразил Пинегин. – Габриэль Грехов действовал абсолютно правильно и сделал все, что мог.

– Понятно. – Банглин погрузился в размышления. – Так что, по-вашему, представляют собой эти серые драчуны?

– Есть целых три гипотезы на этот счет, – вступил в разговор Нагорин. – И все три, – он помолчал, подбирая формулировку, – одинаково уязвимы. Первая: серые люди – название условно – существа, захваченные оборотнем на его пути. Вторая – это «люди для контакта», нечто вроде роботов или биороботов, существующих для переговоров с людьми. И третья гипотеза: серые люди – члены экипажа сверхоборотня, его строители или повелители. Почему они напали на Грехова, с какой целью, – неизвестно.

– Любопытно, – сказал Банглин. – Ну а какая, по-вашему, гипотеза ближе к истине?

Грехов почувствовал головокружение и некоторое время отдыхал, потеряв нить разговора. Ответ Нагорина он пропустил, но затем говорил Сергиенко, совершенно не изменившийся за четыре года, истекшие с момента первого штурма Тартара.

– Мы знаем, – сказал он, – что сверхоборотни путешествуют группой. Мы знаем, что они могут превращаться в любое материальное тело, вплоть до, казалось бы, непредставимого – в озеро! Размеры их колеблются от сотен метров до одного километра, такова оценка машин. Скорость передвижения в космосе лишь немногим уступает скорости наших кораблей в ТФ-режиме, хотя расчеты мои неточны: я считаю скорость оборотней по их появлению у звезд, а ведь они, наверное, не сразу начинают охоту, определенное время тратится на разведку и подготовку. Таким образом, скорости их огромны, что указывает на энергетическую независимость. В сущности, мнение моих коллег и мое собственное таково: сверхоборотень – аппарат, управляемый разумными существами. Происшествие с Греховым, на мой взгляд, подтверждает это достаточно основательно.

– И все же что-то здесь не так, – задумчиво сказал Торанц. – До сих пор поведение оборотней было так прямолинейно, что разумным его не назовешь. А нападение серых людей, живущих в сверхоборотне, только подтверждает их низкий уровень. Что кроется за нападением? Какая цель? Захват в плен? Это можно было бы сделать гораздо проще и изящней, без кулаков и приемов, устаревших более двухсот лет назад. Какое-то странное несоответствие логики: колоссальная мощь соседствует с примитивностью способов ее использования!..

Грехову не суждено было выслушать всех участников оперативного совещания. В комнату вошел врач, выслушал сообщение киб-диагноста и, несмотря на слабый протест больного, выключил виом.

Через три дня крейсер прибыл в систему кси Голубого Колодца. По мнению Грехова, название для созвездия, состоящего из дюжины желтых, оранжевых и красных звезд, было выбрано неудачно.

К тому времени Габриэль был уже почти здоров. Разряд неизвестного излучения, которым окатил его сверхоборотень на прощание, оказался слабым и не затронул основных нервных центров.

Оранжевый карлик кси Голубого Колодца не имел официального названия, только регистрационный номер, зато владел обширной планетной системой в двенадцать планет и двумя поясами астероидов. Одиннадцать внешних планет походили на древний Плутон – снежно-ледяные облака, не успевшие сформироваться в «настоящие» плотные планеты, и лишь ближайшая к звезде обладала атмосферой и хилой растительностью. Поселений землян здесь не было, только вблизи экватора некогда разведчики – причем разведчики другой цивилизации, орилоухской – оставили автоматическую станцию-маяк для тех, кого фантазия когда-нибудь заставит посетить эту систему.

«Ильмус» вышел на мегаметровую орбиту вокруг планеты и выслал во все концы системы модули и автоматические зонды. Сверхоборотни должны были хотя бы пройти мимо, обследуя планеты, и стоило попытаться обнаружить их в этот момент. Правда, эта точка зрения была уязвимой с тех позиций, что целей экипажей оборотней никто знать не мог.

«Задерживаться они скорее всего не станут, – думал Грехов, покидая медцентр. – Убедятся, что система необитаема, и уйдут. Успеем ли мы обнаружить их до этого момента? Конечно, на всем предполагаемом пути их следования люди предупреждены и готовы к встрече, но ведь ничто не мешает им изменить маршрут...»

Он остался на крейсере вместе с Пинегиным. Диего руководил звеном модулей и ушел со своими к самой отдаленной планете; уходя, пожелал Грехову скорейшего выздоровления.

В полутемном зале мерцали виомы, связывающие крейсер со всеми модулями. Банглин переговаривался с Ненароковым, Сергиенко с эмканом на голове работал с координатором корабля. Один Пинегин медленно ходил вдоль вогнутой стены главного виома и поглядывал на окно оперативных экранов, показывающих одну и ту же картину: темный шар планеты и черно-звездное поле космоса. Если приглядеться, шары планеты были разными, – это значило, что модули заняли места каждый возле своей планеты.

Подойдя к Грехову, Пинегин остановился.

– Выздоровел?

– Вполне. Но ты же знаешь врачей...

– Ожидание, боюсь, будет долгим. – Пинегин посмотрел на часы. – Извини, ничего нового о Полине сообщить не могу.

– Я понимаю, Петр, – сказал Грехов. – Я спокоен. Сам же говорил: в наше время от родов не умирают. Твои слова?

– Добро. – Пинегин внимательно всмотрелся в спокойные черные глаза заместителя и встал. – Отдыхай, ты мне нужен здоровым и уверенным. Чует мое сердце, что и в этот раз операция сорвется.

Он махнул рукой и отошел.

– Типун тебе на язык! – пробормотал Грехов ему вслед, оставаясь сидеть. Напоминание о жене задело струну памяти, и та послушно нарисовала перед ним плачущую Полину... Интересно, где она сейчас? Неизвестность – хуже беды, хотя к делу это не относится. Приказано отдыхать и быть здоровым и уверенным.

Грехов соединился с рубкой и попросил Ненарокова дать ему любой модуль.

Командир «Ильмуса» был немолод и опытом обладал немалым. Зная ранг пассажира, он не стал спрашивать, зачем ему модуль, и доказывать, что одному на разведшлюпе уходить с корабля рискованно, а просто и спокойно посоветовал взять с собой группу.

– Спасибо, – ответил Грехов. – Я возьму с собой вашего пилота и одного из своих парней. Желание выбраться «на волю» возникло остро и сильно. Оно не подкреплялось оперативной обстановкой или практическими соображениями, но Габриэлю хотелось убедиться, что с ним все в порядке, поэтому он не стал углубляться в дебри самоанализа.

Через десять минут десантный шлюп типа «Привидение», способный становиться невидимым в очень широком диапазоне частот электромагнитного спектра, оторвался от технопалубы «Ильмуса» и за полчаса покрыл расстояние до ближайшей к звезде безымянной планеты, у которой кружил крейсер. Облетев ее кругом, Грехов дал знак пилоту, и модуль вошел в атмосферу экваториальной зоны, направляясь к единственному океану, на берегу которого стоял построенный косморазведчиками Орилоуха маяк.

Сели на широкой полосе ослепительно белого кварцевого песка, за которой шло зеленое глянцево-голубое поле с едва заметной рябью волн на редких, чистых от водорослей полосах – таким здесь был океан, почти целиком заросший водорослями.

Поглядев в пустое зеленовато-желтое небо, Грехов в сопровождении Забары направился в сторону куполовидного возвышения, похожего на лысый череп погрузившего в землю великана. На макушке холма играло разноцветными огнями непонятное издали сооружение – орилоухский маяк.

Подножие холма заросло буро-коричневыми, с фиолетовым отливом, папоротниками – единственным видом растений, выбравшимся на сушу из океана. Папоротники были хрупкими на вид, но железными и упругими на ощупь, с режущими кромками листьев. Если бы они росли гуще, пробираться через них было бы непросто.

Поднялись на вершину холма и остановились. Даже вблизи орилоухский маяк ничем не раскрывал своего предназначения, он вообще ни на что не походил, хотя по человеческим понятиям и принадлежал к классу искусственных сооружений, созданных разумными существами.

Судя по архитектуре сооружения, орилоуны не были гуманоидами. Их маяк был сложным нагромождением всевозможных геометрических фигур: «ежей», решеток, труб, конусов, плоскостей, коленчатых рычагов и сотен других мелких деталей, создающих необычный пространственный рисунок, который тем не менее не был бессмысленным, но подчинялся иной, отличной от человеческой, логике и мироощущению. Многие детали светились, а в глубине выпуклых полушарий на концах гофрированных шлангов, похожих на фасетчатые глаза насекомого, мигали огни: голубые, желтые, зеленые, оранжевые. Мигали с разной частотой, как подметил Забара.

Обошли маяк кругом. Ни одного следа, холодная серо-белая поверхность скалы была девственно чистой, орилоуны знали свое дело и построили маяк без единого нарушения экологической этики.

– Желудок, – нарушил молчание Забара.

– Что? – удивился Грехов.

– Похоже на желудок, оперированный и выброшенный за ненадобностью.

Габриэль улыбнулся, оценивающе глядя на маяк.

– Что-то в этом есть. Вероятно, орилоуны не придавали большого значения эстетике своих изделий. Вы когда-нибудь видели орилоуна?

Забара отрицательно качнул головой.

– Вообще-то странная раса. Непонятно, почему они не идут с нами на контакт...

Грехов вспомнил, как впервые увидел орилоуна, мертвого. Было это семь лет назад, еще до экспедиции на Тартар. Крейсер Даль-разведки «Урал», в экипаж которого входил молодой Габриэль, открыл у альфы Рыси планету, на которую в это же самое время пыталась высадиться экспедиция орилоунов. В реестре экологических типов планета значилась под индексом Ад-9, то есть имела природные условия, близкие к пределу Тагора – максимальной непригодности

не только для колонизации, но и для исследования. Даже Юпитер, гигант Солнечной системы, был проиндексирован по шкале Тагора как планета типа Ад-4. А тут Ад-9! И все же орилоуны пошли на планету, невзирая на вежливый совет командира «Урала» не рисковать понапрасну. Они разбились и не стали звать на помощь, хотя могли это сделать не раз. Неизвестно, что ими руководило: гордость или сложные расовые традиции. Когда спасательный отряд с «Урала» нашел их корабль, в живых не осталось никого. Грехов в числе семи человек группы риска впервые увидел мертвого орилоуна: трехметровую глыбу не то металла, не то камня, с тремя выпуклостями на теле, с большей из которых смотрели на людей остановившимся взглядом неожиданно земные, не человеческие, а скорее кошачьи, прозрачно-желтые глаза... Так и осталось тайной стремление экипажа орилоухского космолета произвести посадку в крошечной тьме электрического ада, пронизанного дыханием смерти...

Вернувшись на «Ильмус», Грехов доложил Пинегину о своей готовности к работе, ни словом не обмолвившись о полете к орилоухскому маяку. Надо было бы оправдываться, искать объяснение поступку, хотя ничего криминального в нем и не было. Но короткое полуторачасовое путешествие помогло Габриэлю встряхнуться и настроиться на необходимую волну готовности к новым неожиданным встречам. Спал он спокойно.

Трое суток дежурили земные корабли в системе кси Голубого Колодца. Локаторы крейсеров прощупывали межпланетное пространство с точностью до метра. Казалось, ни одно тело не могло проскочить сквозь этот заслон незамеченным. Скептические настроения среди экипажей крейсеров множились и росли. Гипотеза Пинегина подвергалась нападению специалистов ИВК, которые не оставили от нее камня на камне. Но сверхооборотни «не подвели» начальника экспедиции. Они появились неожиданно и в самом центре системы, подтвердив тем самым умение двигаться в высших пространствах тайм-фаговых коридоров.

Пинегин сыграл тревогу, и через несколько минут все модули повернули к четвертой планете звезды, возле которой хищной стаей кружили девять тел.

– Мне почему-то в последнее время кажется, что мы поспешили с выводами, – нарушил молчание Сергиенко. – Это семья, семья животных пространства.

– Почему? – спросил Банглин.

– Потому, что любое разумное существо способно к обобщениям и давно бы поняло, что за ним следят, его ищут. Обратни же сломя голову мчатся по прямой! Действительно никого не боятся? Открытие их – великая и трагическая случайность! Их счастье, что на пути то и дело попадаются звезды с населенными планетами. Измени оборотни угол вхождения в Галактику на градус, они пронзили бы ее, почти ни разу не встретив звезды.

– Но, может быть, это все-таки автоматические устройства, действующие по программе? – пробормотал Банглин.

Пинегин включил главный виом крейсера, и присутствующие в зале оказались в черной пустоте над пепельно-серебристым серпом планеты. Передачу вел модуль, шедший с малой маневровой скоростью, поэтому серп постепенно утончался и скоро исчез совсем.

– Где же они? – поинтересовался Сергиенко.

– Виктор, дай контуры на виом, – попросил Пинегин.

Ненароков подключил локаторное зрение на видеосистему экспедиционного зала, и все сразу увидели впереди модуля мерцающее зеленоватое пятно. Это шла группа оборотней. Выделились и остальные модули, ранее не видимые, – рубиновые черточки по разные стороны тесной группки неведомых созданий.

Из-за горба планеты выскочило оранжевое светило, и видимость ухудшилась. Земные корабли снова затерялись в пространстве.

– Сближайтесь, – подал команду Пинегин. – Будьте внимательны. Все наблюдают объект? Сколько оборотней в группе?

- Вижу девять, – отозвался Диего Вирт.
- Их же было десять, – тихо сказал Сергиенко.
- Вполне вероятно, что десятый пошел на планету для разведки. А может быть, прячется где-то для страховки.
- Витя, обыщи всю систему, – сказал Пинегин. – Появится десятый – немедленно сообщи.
- Не вижу, – отозвался командир крейсера. – Кругом пусто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.